

ЗА 300 000 000-ю ТОННУ ЧУГУНА

Комбинат живет ожиданием знаменательного события. В середине июля в доменном цехе будет выплавлена трехсотмиллионная тонна чугуна. Не претендуя на полноту изображения более чем полувекковой истории головного цеха комбината, мы попытаемся воспроизвести отдельные страницы борьбы за большой металл, вобравшие в себя судьбы людей, зарождение традиций, известных всей стране под именем магнитогорских.

И. Н. А. Ч. А. Л. О

Вот она передо мною, эта плита. Обычная, матового чугуна, скромных размеров. На ней профиль Ленина, контур доменной печи, оббитый лентой лозунга «Пролетарии всех стран, соединитесь!». Малым был выход первого чугуна, всего 33 с небольшим тонны. Хватило, как шутили тогда, только на памятные доски. Но вес первого магнитогорского чугуна был неизмеримо выше. И это поняли все.

Демьян Бедный писал: Как по значенью он огромен — Чугунный барельеф! Как скупо экономен И страшен для врагов язык его герба С буграми ленинского лаба

И мощной группой магнитогорских домен! Поэт ошибся. На барельефе всего лишь одна домна. Первая. Но неточность ярко отражает пафос того времени, веру в то, что велел за первой обязательно будет и вторая, и третья... Обязательно будут!

Время показало, что любое поэтическое преувеличение магнитогорские доменники в силах сделать явью.

1932 год. «Первого февраля в 9 часов 30 минут вечера получен первый чугун магнитогорской домены № 1. Домна работает нормально. Обслуживающие механизмы работают исправно». Эта молния, отправленная в ЦК ВКП(б), стала исторической метрикой, зафиксировавшей рождение нового цеха и комбината.

Все меньше остается ветеранов, свидетелей задувки первых домен: И. Я. Овсянников, Т. Е. Сурнин, В. М. Павлов, Р. Х. Сильвестр, Ф. М. Борисенко, А. Я. Шатилин. «Старик нынче не в моде» — вырвалось как-то у одного из них. Горько было слышать это признание. Но слова из песни не выкинешь. После такого времени, такой молодости спокойная старость туго дается ветеранам. Но нам есть что возразить им. Еще лучше скажут об этом дела молодых доменщиков. Их жизненные устои, такие же в своей основе, как у отцов и дедов.

А недавно в редакцию пришел Трифон Борисович Сурнин. Старейший, инженер-доменщик с натруженными руками рабочего. Из внутреннего кармана он достал сверток, бережно обернутый бумагой, и присел к столу. Старая фотография, которую мы увидели, воспроизведена на газетной странице. На обороте надпись: «Трифону Борисовичу Сурнину на память о работе по пуску магнитогорских домен». Сделал ее изображенный на снимке человек в выдавшем виды кофухе, пыльных сапогах, с перевязанной головой. Это один из первых начальников доменного цеха Н. С. Соболев. Он похож на солдата, только что вернувшегося с поля боя. Так и было. Печь барахлила, и он готов был сунуться прямо

в ее чрево. В один из таких моментов внезапно вынесло фурму, после этого и появилась повязка, рассказывает Сурнин.

Но самое яркое воспоминание ветерана связано с пуском первой магнитогорской домы. Смена была не его, он должен был заступить ночью, но все стояли на путях, ждали, когда пойдет первый чугун. И вот, наконец, литейный двор озарился светом. Свет горячего металла — такая картина может быть милее сердцу металлурга! С чем ее сравнить! Первые капли чугуна упали в ковш. Пошел, пошел магнитогорский чугун. Потекла могучая огненная река.

У каждого свои воспоминания... Сурнин помнит, как среди всеобщего ликования у него вырвался вздох облегчения: все идет нормально.

И еще одну фотографию показал ветеран цеха. Она относится к шестидесятым годам. Два известных доменщика, два Георгия Ивановича снялись на память о тридцатилетии шефского договора, по которому «Инженер Адарюков Г. И. взял обязательство заниматься со своим «двойным» тезкой Герасимовым Г. И. и дотянуть его до мастера». Факт вроде бы личного плана, касается двоих. Но он не менее важен, чем факт выпуска первой тонны чугуна, ибо это тоже история. История рождения новых отношений рабочего братства, взаимовыручки, когда одному до другого есть прямое дело. Это то, чем берет домна и сегодня.

Первая тонна и трехсотмиллионная. Чтобы понять, чем они отличаются, надо по меньшей мере представить себе все изменения, происшедшие в доменном производстве за полвека. Задача эта непосильна для газетного материала, поэтому возьмем

для примера одну только печь — первую. Как образно заметил начальник цеха Г. П. Лежнев, от старой печи остался один лишь номер. Применение агломерата, офлюсованных окатышей, давления под колошником, природного газа — ни одно техническое новшество не обошло «старушку». В пятидесятых годах здесь впервые была освоена автоматическая система шихтоподачи. Без малого в двадцать раз выросла производительность труда.

Но привычка быть первой у печи осталась. Лауреат областной премии имени Носова, она в прошлом году достигла рекордного производства и в равной борьбе (это подчеркивалось особо) завоевала право юбилейного выпуска в честь 50-летия комбината. Об этом свидетельствуют новые памятные доски, появившиеся в газовой будке первой печи рядом с той, отлитой из первого чугуна.

Здесь-то и состоялся разговор с мастером Романом Ивановичем Семягиным (он же лучший мастер доменных печей страны) о том, как он понимает энтузиазм.

— Ваш брат, газетчик, — резал Роман Иванович правду-матку, — любит писать про настрой. Мол, особый настрой и все такое. А настрой должен быть один — рабочий. Как сегодня. Как вчера: — Для убедительности он махнул рукой в сторону экрана, где значились сверхплановые цифры, и продолжал:

— Вот вы про юбилейную тонну спрашиваете. Событие, конечно, большое. Но это не значит, что вот сейчас мы работаем так, а пройдет юбилей — будем работать по-другому. После трехсотмиллионной опять будет первая, тысячная, полумиллиардная. Остывать нам никак нельзя. Прошу это отразить.

Такой же настрой и у Звезды Сергея Вадимовича, рождения 1964 года, выпускника ГПТУ. Он явно смущен, давая свое первое интервью, но убежден твердо: после экзаменов — только сюда, на первую.

... Спешит на смену Семягину другой мастер первой печи — Герой Социалистического Труда Евгений Федорович Стоянкин. Встречаю его у пятой проходной с папкой под мышкой. Скоро отчеты перед избирателями, он как депутат облсовета должен быть во всеоружии.

А первая печь готовится к новому выпуску. Через фурумное очко видно, как в глубине бьется таинственная огненная змейка. В чреве домы зреет новый металл.

Е. КАРЕЛИНА.

„КРЕПОСТЬ МАГНИТНАЯ“

Александр ЛОЗНЕВОЙ

Главы из нового романа

(Продолжение. Начало в № 62—71)

Против него по-прежнему родители, да стоит ли об этом! Главное, невеста не возражает. Согласно. Через три дня она станет его женой... Подумать только — он женат!.. Мать и отец Лины, ну конечно же, всю вину на него свалят. Но того не поймут, что их дочь сама так решила. Вчера у нее был — веселая, радостная, без улыбки слова не скажет. А сегодня во сне видел. Стоит будто в парке под железной пальмой, улыбается, а вокруг гроза, блещет молнии, от ударов грома дрожит земля. Схватил за руку: скорее в дом... Скорее!

На этом и проснулся. Прислушался, что там гремит? Может, и вправду гроза? Нет, стук в дверь.

— Кто там?
— Умирал, что ли?! — кричит Антонио. — Второй гудок был!..

Натянул штаны, обулся, пулей вылетел из барака. Побежал, шлепая по грязи через площадку. Еще несколько минут и проходную прикроют. Таков порядок.

Показав на ходу пропуск, Антонио быстро оказался на территории завода. Порфирий же, стоя перед Котыгой, нервно обшаривал карманы:

— Помню, ложил вот сюда.
— Наплевать, де ты его клав! Есть пропуск — проход, нема — геть с дороги!

Отчаявшись, Дударев готов был вернуться в барак, поискать, но пока будет бегать, проходную закроют — и проглотт обеспечен.

Он порвался в заднем кармане брюк и вдруг заулыбался:

— Вот же он!
Вахтер поднес пропуск к глазам: уж не подвох ли какой? То не было, а тут — на тебе! — и с упреком заключил:

— Тако малодз, а вже склероз.
Дударев ворвался в цех буквально за минуту до начала работы. Поднялся на эстакаду главного поста и едва занял рабочее место, как услышал:

— Идет!..
Оглянулся и увидел бежавшую по рольгангам чуть припрыжку, светящуюся ярким огнем болванку. Пропустил ее под валками, вернул обратно. Затем снова — к себе... Все, как и должно быть. Металл был податливый, мягкий. Из болванки получилась широкая, длинная плаха — готово! «Вызывай новую!» — сказал помощнику.

И тут заметил незнакомого человека, который стоял у барьера главного поста и пристально наблюдал за ходом прокатки.

От раскаленного металла нагревался воздух, обдавал оператора теплом. Дударев согрелся, а через некоторое время совсем размяк: клонило ко сну. Не выспался прошлой ночью. Сколько раз говорил себе: нельзя так, надо ложиться вовремя, и сам же нарушал эту свою заповедь. Увлекался, выполнял домашнее задание. Да и как иначе? Идти на занятие, как некоторые, без подготовки, он не может. Учиться так учиться!

Пропустив очередную болванку между валками, тряхнул головой, сился отогнать дрему, и неожиданно стал куда-то падать. «Вот черт!» вцепился в контроллеры, как бы опасаясь, что они могут выскользнуть из рук. Огляделся: где же болванка? Полураздавленная, плоская она улывала вдаль. Одним движением вернул ее обратно, и опять увидел человека в кожаном пальто. Тот стоял, выпрямившись во весь свой огромный рост, широкоплечий, сильный. Что ему здесь надо?.. Дударев не мог не вспомнить, как на цеховом собрании еще недавно стоял вопрос о бдительности. Выступая с докладом, начальник цеха Сарматов утверждал, что иной раз на блюминге появляются никому неизвестные люди, однако их никто не останавливает, не интересуется, откуда и зачем они пришли. А между тем есть инструкция, в которой сказано: увидев постороннего, спроси у него пропуск. Нет пропуска — задержи.

«Бдительность и еще раз — бдительность!» взял огромный плакат, вывешенный в цехе.

С подачей болванок вышла заминка. Дударев поднялся:

— Что-то в глаз попало, — сказал помощнику. — Пойду промую. — Подадут болванку — не теряйся, принимай спокойно, как вчера. Ты можешь!

Подставив под кран голову, он сразу почувствовал облегчение. Вода, как лед. Умылся, вытер лицо рукавом — совсем хорошо! Пошел на свое место и тут лицом к лицу столкнулся с человеком в кожаном пальто. Хмурые косматые брови, тот все так же поглядывал исподлобья. Не узнай, кто он, чего доброго, еще от начальника цеха влетит. Поднял голову и решительно спросил:

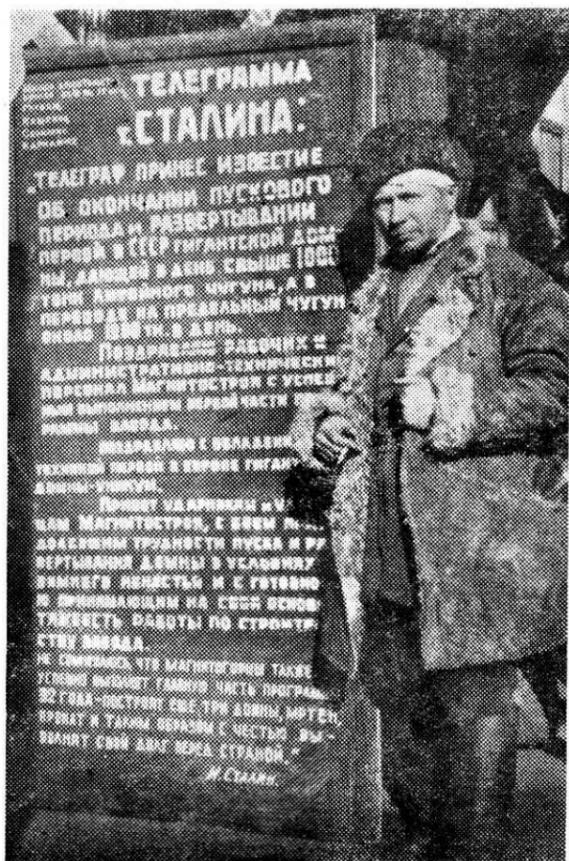
— Ваш пропуск?
Мужчина окинул парня непонятым взглядом и глухим басом произнес:

— Это хорошо, что ты такой бдительный. Но клевать носом на рабочем месте — не положецо.

— Предъявите пропуск, гражданин!

Мужчина неторопливо полез в карман, достал из бумажника пропуск и, развернув, показал его настойчивому парню.

(Продолжение следует.)

На снимке: Герой Социалистического Труда мастер Е. Ф. СТОЯНКИН, горновой В. И. ЧУМАНСКИЙ, ст. горновой Н. С. ОРЕХОВ.